

International Journal of Russian Studies

Uluslararası Rusya Arařtırmaları Dergisi

ISSN: 1307 - 3419, Ankara - TÜRKİYE

Volume 1/2 July 2008 p. 25-46

www.radtr.net

RUS EDEBİYATINDA GÖÇMEN BİR YAZAR YURİ DRUJNİKOV'UN ÖLÜMÜ ÜZERİNE

Doç. Dr. Sevinç ÜÇGÜL*

Amerika Birleşik Devletleri Kaliforniya Eyaleti Davis şehrinde uzun süredir şikayetçi olduğu rahatsızlığına yenik düşen Rus yazarı Yuri Drujnikov 14 Mayıs 2008'de hayatını kaybetti. Yazarın mikroromanlarından oluşan "Puşkin'in İkinci Karısı" kitabı ve "Rus Madonnası" romanı Türkçe'ye çevrilmişti. Kendisi ile 2000 yılının Mayıs ayında yazarla Peç şehrinde (Macaristan) bir uluslararası konferansta tanıştım. Bu tarihten süregelen yazışmalarımızda her zaman geniş vizyon ve evrensel değerleri ön planda tutan bir aydın yapısı, her türlü siyasi ve ideolojik baskıyı reddeden, eşitsizliği, kişisel çıkar ve insan kimliği içerisinde garipsediği bencilliği aşamamanın verdiği hoşnutsuzluğu sezdim. Edebiyat camiasının kaybı olan Yuri Drujnikov eserleriyle uzun yıllar okuruyla konuşup tartışacak bir yazardır.

Yazar Yuri Drujnikov AAASS (American Association of Slavic Scholars), AATSEEL (American Association of Slavic Teachers), International PEN-CLUB, American Branch (New York, Vice President), International and North American Pushkin Society, Institute of Modern Russian Culture (University of Southern California, Los Angeles), International Center for Baltic Studies (University of Stockholm, Sweden), Russian-American Counsel for Music and the Arts, New York (Board of Directors), Academy of Humanities, St. Petersburg, Russia, Member) gibi kuruluşların üyesiydi. Kendi ülkesinde on beş yıl yayın yasağı altında yaşayan bu yazar, Batı'da ve özellikle Amerika'da tanınmış ve dikkatleri üzerinde toplamayı başarmıştır.

* Erciyes Üniversitesi Fen-edebiyat Fakültesi Rus Dili ve edebiyatı Bölümü

Yuri Drujnikov 17 Nisan 1933 yılında Moskova'da bir ressam ailede doğmuş, Moskova'da, Riga'da eğitim görmüş, yaygın, edebiyat ve sanat alanında çalışmalar yapmıştır. Yaşadığı hayati tecrübeler yazarın eserlerinde sosyo-psikoloji analizlerini derinleştirdikçe, eserlerin yaşandığı dönemlerin yaygın dünyasında gün yüzü görmesini imkansızlaştırmıştır. Kendisini 'çağının kronik yazarı' olarak adlandıran Drujnikov eserlerinde hem tarihî hem de çağdaş konulara yer vermektedir. İlk yazıları 'Yunost', 'Rabotnitsa' gibi dergilerde yayınlanan yazarın 1974 yılında çocuklar için Şansım Yaver Gitmiyor Da Ne Demek adlı kitabı yayınlanır. Bunun ardından Sıkılmak Yasaktır, Sorunuz, Çocuklar adlı eserleri ve On Altıya Dek Bekleyin romanı gelir. 1971 yılında Drujnikov Sovyet Yazarlar Birliğine kabul edilir ve kısa süre sonra ise Georgi Vladimov, Lev Kopelev ve Vladimir Voynoviç gibi yazarlarla beraber Yazarlar Birliği'nden gizlice çıkartılır, yaygın yasağı getirilir, tiyatro oyunları iptal ettirilir, tüm el yazmalarına el konulur. SSCB Yazarlar Birliği'ne açık mektupla müracaat eden Drujnikov, siyasî hükümlülerin haklarının savunulması talebinde bulunur. Yurtdışında yaygın yapmadığı ve dönemin nabzını tutamaması yazarın suskunluk dönemini başlatan sebepler olur. 1976 yılından 1991 yılına dek Drujnikov'un adı 'kara liste'de yer alır. Bu yıllarda yazarın hayata tutunmasında büyük rolü olduğunu söylediği yurt dışındaki bazı yaygın organları ve edebî ortamlarla bağlantı kurmayı başarır. 1979 yılında Amerikan PEN-CLUB'ının fahri üyesi ve New-York'taki 'Zaman ve Biz' dergisinin yaygın kurulu üyeliğine seçilir.

1968 Çekoslovakya olaylarının perde arkasını konu alan 'İğnenin Ucundaki Melekler' («Ангелы на кончике иглы») romanı yıllarca yaygın yasağı maruz kalmış ve ilk kez 1989 yılında New-York'ta yayınlanmıştır. Kısa süre içerisinde bir çok dile çevrilen roman, 20. yy en iyi 10 Rus romanı içerisinde yer almış, dahası, 2001 yılında yazarın Varşova ve Gdansk Üniversiteleri tarafından Nobel Ödülü'ne aday gösterilmesini sağlamıştır.

'Rusya mitolojik düşünce tarzından kurtulamadıkça uygar bir ülke olamaz.' diyen Drujnikov, bu mitolojilere ve onları kuranlara isyan etmiyor, onların iç yüzünü ortaya çıkarıyor, yıllarca tabulaştırılan isimlerin arkasında bir katilin, bir ispiyoncunun, bir kadın tüccarının, bir alkoliğin olduğunu kanıtıyor ve bu olaylara acı acı gülüyor. Bu anlamda "001 No'lu Muhbir, veya Pavlik Morozov'un Yüceltilmesi" («Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова») eserinin 1988 yılında Londra'da yayınlanması Sovyet ideolojik yapısındaki yapay mitlere darbe vurmuştur.

Sanatı belgelerle araştırmalara dayandırarak yaratan Drujnikov'un vazgeçemediği araştırmalarından biri A.S.Puşkin'in hayatı ve sanatı idi. Uzun yıllar Rus Dili ve Edebiyatı

bölümlerinde Puşkin üzerine dersler veren yazar araştırmacı romancı kimliğini bariz gösteren “Tanımadığımız Puşkin’in İzinden” («По следам неизвестного Пушкина») eseri kısa sürede edebiyat dünyasında dikkatleri üzerine toplamıştır.

Drujnikov’un eserleri İngiltere, İtalya, Polonya, ABD, Fransa, Estonya, Almanya ve Türkiye’de çevrilmiş ve yayınlanmıştır. Polonya ve Bulgaristan’da yazarın sanatını konu alan uluslar arası konferanslar düzenlenirken Vaşington, Moskova, Varşova, Schumen’de onun sanatını inceleyen kitaplar yayınlanmıştır.

Son yıllarda yazdığı “Orası Sizin İçin Burası Değildi” («Там это вам не тут») adlı hiciv öykülerinden oluşan kitabı ve “Geri Kalan Hayatım İlk Günü” («Первый день оставшейся жизни») romanı yazarın olağanüstü mizah ruhunu, eleştirel kararlılığını ve anlatım akıcılığını bir kez daha göstermektedir.

Юрий Дружников

Спираль моей жизни

Попытка автобиографии

Как бы я жил и что сочинял, если начать сначала? Делал бы всё иначе? Или — не захотел ничего менять?

Собственную биографию я знаю хуже, чем житие Пушкина, которое описал на тысяче страниц, хуже биографий многих русских, английских, немецких, французских и американских писателей, более полувека присутствующих в моих занятиях литературой. К тому же говорить о себе слишком серьезно — несерьезно, а несерьезно писать о трудах, которым я посвятил всю жизнь — нелепо. Соблазнительно сочинить альтернативную биографию «Какой бы я был, если бы...». Но я пишу свою собственную, со всеми ее несуразицами.

В спирали жизни моей можно различить четыре витка, перерубленных по середине: два — половина российская, два других — американская или, шире, весь свет.

Первый виток, или Счастливая юность, согретая лучами сталинской конституции

Родился я в 33-м году теперь уже прошлого века в Замоскворечье. Думается, многие подробности младенчества и юности у тех, кто не Лев Толстой, можно для краткости опустить: к литературе эти детали отношения почти не имеют. Да и протекало советское детство у моего поколения в среднем одинаково.

Не могу понять, как в восьмиметровой комнате, угол которой занимала печка, умещалась семья с непрременной домработницей Маней, стелившей себе на полу между двумя детскими кроватями и родительским диваном. Маня водила меня гулять на Красную площадь, шептала: «Тут лежит дедушка Ленин». Помню свой испуг, когда мент ей строго сказал: «Пальцем показывать на мавзолей нельзя!» Еще деталь: не держу в голове никаких нынешних телефонных номеров, не знаю на память мобильного, что лежит у меня в кармане, но помню номер в той московской коммуналке тридцатых годов: В1-93-46, — заставляли повторять на случай, если я потеряюсь.

С четырех лет меня учили игре на скрипке. Возили на Zubovskuyu площадь в квартиру со множеством ковров и старинной мебелью. Мать будущего дирижера Кирилла Кондрашина, вторая скрипка Большого театра, «ставила мне руку». Какая блестящая перспектива открывалась, и как я ненавидал скрипку! Вторая мировая война решила эту проблему походя.

В удмуртской эвакуации (Воткинск, Ижевск) я научился копать картошку, ездить верхом, гоня лошадей на водопой, и бить в бубен в учреждении, которое называлось «дом художественного воспитания детей». Всю войну со мной был Марк Твен в виде Тома Сойера и два военных издания, дошедших до провинции: «Книга юного разведчика» и «Как быстро научиться управлять автомобилем». В разведку я ходил в лес за клюквой и за отсутствием компаса ориентировался, согласно книге, по мху на дереве. Автомобиль представлял собой поломанный стул с приделанным к нему колесом от детской коляски.

Самое яркое воспоминание — голод, мечта о буханке черного хлеба, которую дадут съесть целиком. Кое-какие детали этой поры вошли после в роман «Виза в позавчера» — о

скрипаче из Сан-Франциско, но считать этот роман, написанный про судьбы трех поколений, автобиографическим — значит упрощать всю систему художественного видения писателем окружающей действительности и фантазии как литературного приема.

Лет с десяти я исписывал одну за другой ученические тетради стихами, подражая Лермонтову. Почему именно ему, не понимаю и сейчас. Не без пользы, однако, потому что, повзрослев, брал с собой эти творенья в турпоходы: на них хорошо было разжигать сырые дрова.

В Москву вернулись в 45-м. Дом разбомбило. За взятку прописались в квартире, которой не существовало. Пятнадцать лет жили, снимая чужие углы. Я носил латаное старье, перелицованное бабушкино пальто, которого очень стеснялся, но другого не было. Все же у меня появилась личная собственность: довоенная немецкая пишущая машинка «Мессершмидт» с напаянным русским шрифтом. Год копил деньги и купил ее, поломанную, в комиссионке, сам починил и не расставался с ней полжизни.

Почему-то я любил учиться и делал это с усердием. Прозу Гоголя помнил целыми главами. «Онегина» знал наизусть половину, легко двигался в математике и физике. Английский учил сквозь глушилки по BBC, — мой одноклассник смастерил коротковолновый приёмник, и мы его часами слушали. Уже после школы узнал, что умельца посадили за шпионаж: сосед по квартире попросил сделать ему приёмничек, чтобы слушать за границу, и оказался стукачом. Лет в пятнадцать я решил прочитать всех классиков, особенно западных. Читал запоем и не по отдельным вещам, а целыми собраниями сочинений — с первого тома до последнего.

О дальних странствиях и не мечтал, но Джек Лондон всегда лежал под подушкой. Могло ли прийти в голову, что спустя сорок лет значительную часть жизни придется провести на севере Калифорнии, неподалеку от его дома и его могилы в Глен Эллен? Память с детства сохранила джеклондоновское: «Лучше буду пеплом, чем пылью. Лучше искра моя сгорит, чем ее потушат в серости. Лучше окажусь метеором, который вспыхнет, чем вечно спящей планетой. Предназначение человека — жить, а не существовать. Не стану тратить свои дни только для того, чтобы продлить их. Пушу в дело отведенное мне время».

В 1951 году, окончивая школу, чуть не получил серебряную медаль. Влепили тройку по истории «за ошибки в изложении роли товарища Сталина в Гражданской войне». В три московских вуза не приняли, хотя оценки на приемных экзаменах получились отличные. В третьем симпатичный председатель комиссии в коридоре бросил: «И никуда не возьмут, не надейся». От знакомого в Риге услышал, что там на русском отделении университета недобор. Поехал — и взяли.

Это было нечто, напоминающее сладкую ссылку. «Изгнанник самовольный» — лучше Пушкина формулу не придумаешь. Ссылок у меня было, как у него, две, и обе продуктивные. В Риге, оккупированной, но еще дышавшей Западом, заговорил по-латышски. По вечерам подрабатывал в драмтеатре актером третьей категории, то есть попросту статистом, — у меня есть невыдуманный рассказ об этом времени. Собрал множество редких книг. Играл в волейбол за студенческую сборную Латвии и приехал в Москву на Всесоюзные соревнования. Написал первую литературоведческую работу «Пушкин и Маяковский: исторические параллели». Но лучше помню, как тринадцать студентов жили в общежитии, в подвале. В четыре утра сосед возвращался от любимой девушки через окно у меня над головой и шел по мне в ботинках на свою кровать.

Вернуться в Москву через два года и поступить на историко-филологический факультет помог, как ни странно, сталинский сокол Дмитрий Поликарпов, бывший секретарь Союза писателей, он же бывший заведующий отделом культуры ЦК. После смерти вождя с тех должностей Поликарпова сместили, но, поскольку он номенклатура, трудоустроили директором пединститута, бывшего Второго московского университета. Пришел я к нему холодным летом 53-го года с улицы. Сидел в очереди на прием, написал заявление: два года, мол, отучился в Риге, а москвич.

Поликарпов, мужик здоровенный и простоватый, с гулким голосом, глянул в мое заявление.

— Не надо общежития? Дома-то вместе веселей щи хлебать...

Ушам не верилось, что возвращаюсь в Москву. Школьный хвост нелояльности, видимо, в связи с переменами в стране, отмер. А Поликарпов погрозил пальцем.

— Но после института пошлем по распределению далеко...

Он почесал затылок и накарябал на заявлении наискосок: «Зачислить на третий курс».

Компания оказалась плодотворная: Визбор, Ким, Коваль, Ряшенцев, Якушева, много других талантливых — песни, стихи, представления вперемежку с волейболом и турпоходами. Однажды тот же Поликарпов чуть не выгнал всех нас на улицу. Пришел потихоньку на капустник, и что-то ему показалось идейно не выдержанным.

Деньги на жизнь зарабатывал я в Архиве Октябрьской Революции. В промерзшей церкви на Кадашах топал по шатким досчатым лестницам, разыскивая и поднося сотрудницам тяжелые папки. На паперти стояла длинная очередь зеков, вышедших из лагерей, оформлять справки о трудовом стаже. С некоторыми из них сошелся близко и потом дружил, помогал записывать воспоминания, уходившие в самиздат. С тех пор и по сей день у меня чувство вины перед этими людьми: они сидели, а я нет, они отбыли свои сроки за всех нас, за наши общие грехи.

Под покровительством вальяжной пушкинистки Арусяк Гукасовой написана наивная дипломная работа «Цикл лицейских годовщин Пушкина» (рукопись скорее всего ушла в мусор, как все студенческие сочинения). Конечно, я не знал и не понимал Пушкина. Точнее, понимал его, как учили и как можно было прочитать в отфильтрованной литературе. Но что меня тогда удивило — и за то вскорости прорабатывали в семинаре, — постепенное, от года к году, помрачение стихов поэта. И ведь за дело ругали: оптимизму Пушкина полагалось расти и крепнуть. Строчка «Октябрь уж наступил...» трактовалась тогда как предвидение революции.

В пушкинистике легко утонуть, мыслимо ли остаться самим собой? Чтобы сказать свое слово, понадобились десятилетия. Книги мои о несчастливом Пушкине выходили уже на Западе.

Распределение на работу после вуза было, в сущности, второй ссылкой, более хмурой. И теперь в Калифорнии не забывается, что такое «далеко от Москвы». В казахской пустыне провел два года (1955-57) — в средневековье, однако, с железной дорогой. То была станция

Саксаульская недалеко от Аральского моря — двадцать двухэтажных домиков, аул из глиняных землянок и мусульманское кладбище. Галдящая толпа в халатах торговала на маленькой станции дынями и несвежим верблюжьим мясом. Все местные начальники (станции, милиции, столовой) имели по три жены, — уж не знаю, кто установил у них такую норму, ибо по мусульманскому закону полагается четыре.

В школе рабочей молодежи учились люди разных возрастов из железнодорожного депо — от стрелочников до машинистов. В связи с нехваткой учителей я преподавал все предметы, кроме химии и физики, потом стал еще и завучем. Вокруг подозрительно крутился районный кагебешник, пересказывая с акцентом анекдоты, которые я сам рассказывал где-нибудь накануне. Наконец устроили шумное собрание и исключили меня из комсомола. Причина истинная в том, что на место присланного завуча хотелось назначить своего и, как подозреваю, торговать аттестатами зрелости. Оставалось вернуться в Москву. Учительство же мне понравилось, и с тех пор чувствую себя комфортно, выступая перед любой аудиторией.

Сохранился единственный красиво переплетенный экземпляр самиздатского сборника моих стихов «Одиннадцать ступенек» (Москва, 1969): переводы из Шекспира, Шелли, Блейка, Райниса, которые я делал долгими вечерами, вглядываясь под вой ветра в мертвую, в колючках, серую степь до горизонта. Другие стихи того сборника — о событиях казахской моей житухи, о бурях, когда песок хрустит на зубах даже в комнате, об острове прокаженных в Аральском море и об эпидемии чумы. Позже, по случайности, лишь одно стихотворение оказалось опубликованным. Для собрания сочинений, например, не возникло никакого желания взять оттуда хоть что-нибудь.

В Москве конца пятидесятых жизнь меня закрутила. Набоков сказал, что он родился в библиотеке. Могу заметить, что в те годы я в библиотеках жил. Без своего угла, без постоянной работы, три четверти времени я проводил в читальных залах. А еще ездил по друзьям, добывая самиздат. При этом никакое я не «дитя XX съезда», как где-то прочитал. Сперва меня в Москве не было, политику мог обсуждать только с верблюдами. Да и вообще, тот полуподпольный съезд сам был дебильным дитятей давно назревших перемен в большом обществе, перемены и без съезда уже произошли.

Единственное, что с годами не теряет ценности, помимо прочитанных страниц, что остается в памяти в виде разговоров, силуэтов женщин, цвета облаков, и запаха архивной плесени, — это опыт. К двадцати пяти я перепробовал как минимум десяток профессий: актерскую в драмтеатре, архивную, был тренером, учителем, завучем. После за шесть лет (1957 — 63) наработался (везде не подолгу) корректором, книжным редактором, писал диссертацию по истории педагогики, поколесил разъездным корреспондентом и фотографом едва ли не по всей карте СССР для разных изданий — от «Известий» и «Советской России» до журнальчиков вроде «Работницы» и «Семьи и школы». В паршивых гостиничных номерах под гул пьянок за стенкой писал и переписывал рассказы. Ничего не публиковалось.

Второй виток, или Вхождение в ересь

Существует долгая традиция в том, как писатели сжигают свои калории в топке журналистики. Твен, Киплинг, Честертон, Булгаков и тьма других вошли (или вышли?) в литературу, затратив немало сил на статьи-однодневки, порой на всякую чушь, но и — приобретя навык брать жизнь за рога, а практически (профессионально) — отточив перья. Как ни крути, журналистика учит писать коротко, а главное, без жалости резать не только тексты других, но и собственные. Фраза «писать, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно» красивая, но в журналистском ремесле простора мыслям быть не может. Газетчик то и дело наступает на горло собственной песне. Ведь газета создает однодневный мусор, который она пытается любыми путями вбить в голову читателям. «У меня такое чувство, — заметил Соммерсет Моэм, — что все газеты пишет один человек». Это сказано об Англии, что же говорить моем отечестве?

Отсюда еще качество, которое вырабатывает газета у тех, кто ее делает: скептицизм, если хотите, цинизм. Вот ценный накопленный капитал! Мои годы в журналистике и, в частности, в штате редакции «Московского комсомольца» (1963 — 71) не пропали даром. И все же это школа жизненного опыта и технического мастерства, но писательство — нечто другое, в чем-то прямо противоположное: там танцы от факта, тут — от воображения.

Мне было тридцать пять, когда по невероятному раскладу карт судьбы в августе 1968 года вашего слугу, никогда не попадавшего на Запад дальше Ужгорода, единственный раз выпустили за границу, и — надо же! — это совпало с введением советских войск в Чехословакию. Собственными глазами видел, как танками давили Пражскую весну. Внутренняя жизнь вошла в такой конфликт с внешней, что не вернулся бы, если б не семья.

По возвращении уже не мог делать то, что делал, смотрел на себя со стороны, глазами писателей, с которыми общался в Польше, Австрии, Венгрии и Чехословакии. По горячим следам начал рождаться большой роман «Ангелы на кончике иглы» — о журналистской кухне, о брежневско-андроповском страхе Московской весны, которую решили задавить, о самиздате, о том, как КГБ, сливаясь с партией, рвется к власти. В душной Москве появляется французский дипломат маркиз де Кюстин. Оружие этого предсказателя судьбы Российской империи — острый ум и острая шпага.

Часть рукописи «Ангелов на кончике иглы» взяли на обыске у приятеля. Микророманы оказались в руках чекистов после другого обыска. Притом система пока лишь ворчала, оскалив зубы, но не кусала.

Жизнь, если не задумываться о сути бытия и расти, как трава, была сносной. Если же задумался — лучше не быть писателем. Но было уже поздно, я им стал, начав карьеру советского литератора, полную разочарований. Замкнутый круг: нельзя, не годится, не подходит, не пропустят. До сих пор удивляюсь, как вышла первая книга моих рассказов («Молодая Гвардия», 1971), да еще с названием «Что такое не везет». Пушкин в этом возрасте уже все написал и закончил земное существование. Оказалось, книга-то моя вышла, но оканчивалась не точкой, как все книги в мире, а — запятой: в последний момент в последнем рассказе цензор выкинул тучу, напоздавшую на солнце.

Вслед за Чеховым скажу: нормального человеческого детства как такового у меня не было. Пришлось построить его во взрослости в десятке рассказов и сатирическом романе «Каникулы по-человечески», который напечатали было в 1974 году, но, по команде сверху, весь тираж пустили под нож. Теперь критики иногда пишут, что я начинал как детский писатель. А Твен, Карамзин, Диккенс, Горький, Филдинг — тоже пребывали в детских

писателях? Ведь они и многие другие обращались к детству не раз. Детство есть тема, такая же интересная для прозаика, как множество других, только и всего.

Ежели говорить о влияниях в литературе, то это не были ни Тургенев, ни Толстой, ни Достоевский, ни авторы Серебряного века, а — Честертон, Флобер, Мопассан, Золя, Мериме, Жюль Ренар. Задним числом понимаю, что сильное впечатление произвел Гофман. Впрочем, не на меня одного: и Белый, и Булгаков был под его гипнозом. Мои любимые мудрецы — Шопенгауэр и Ларошфуко. Из старших современников — не Тынянов и Набоков прозаики, но Тынянов и Набоков литературоведы, прозаики Стейнбек и Моруа. Правда, в списке книг, выпущенных лондонским издательством, «Ангелы на кончике иглы» на английском оказались почему-то в несколько странной компании: меж романов Агаты Кристи, Кафки и воспоминаний Сальвадора Дали. Советские писатели, за малым исключением, учили, как не надо писать, что тоже, конечно, явилось полезной школой.

Важнее оказалось не то, что меня приняли в Союз писателей в 71-м, а то, что в 77-м выгнали. Не успел отравиться, как говорил Евгений Шварц, «ядовитым воздухом Союза писателей». Сначала, будучи принятым, попал в сомнительную компанию. А изгнав, включили, таким образом, в очень неплохой список отчужденных: Пастернак, Синявский, Солженицын, Лидия Чуковская, Копелев.

Так стал выкидышем советской литературы. Лояльные авторы творили для советских изданий — я для гаража. Там у меня была нора, в ней держал металлическую канистру, в которой хранились рукописи. Прятал и был уверен, что при жизни напечатано то не будет. Давал читать знакомым, и это попадало в самиздат. К моменту, когда в КГБ на очередном допросе сообщили, что я «бывший писатель» и уголовное дело заведено, в черных списках я уже значился. Мы с приятелями всюду занимались распространением самиздата и тамиздата, одно время держали в Москве библиотеку рукописей и фотокопий, которые делал сам. Помню, Булат Окуджава просил не давать ему больше подпольных книг и жаловался, что после такого чтения не может писать свое (он как раз заканчивал книгу для Политиздата).

А еще переснимал и переправлял за границу разные писательские рукописи: приходилось спасать их от злых рук. С окаяниями улетали на Запад микропленки, там распечатывались, размножались, появлялись в журналах и газетах. В пачке из-под сигарет переправился в Америку роман «Ангелы на кончике иглы». У меня по сей час остается неопубликованное в рукописях: черновики, замыслы, воспоминания, которые понемногу использую и надеюсь на этой основе еще написать. Некоторые куски входят составными частями в новые замыслы.

В трафарете советского писателя мне не светило состояться, хотя поначалу и не значился активным противником власти. Союз писателей вообще к тому времени представлял собой большой литературный абортарий. То была коррумпированная организация, в которой не столько поддерживали идеологию, сколько с помощью идеологии проталкивали своих. Сейчас партийные секретари, кто еще жив, и их приживалы обречены на забвение, но тогда именно они держали контрольный пакет акций, решали, кого, кроме себя, издавать, а кого клеймить позором. Затыкали рты, разумеется, в тесном сотрудничестве со щитом и мечом, многим талантливым авторам, не давали книгам появиться на свет. Затравленный Булгаков, который не успел отшлифовать главный роман своей жизни, — отнюдь не единственный пример.

Всякому терпению приходит конец. Приведу слова российского диссидента первой трети XIX века, филолога, философа и поэта, профессора Московского университета Владимира Печёрина, вырвавшегося на Запад. Он написал письмо в Россию, что решил никогда не возвращаться и даже вернул деньги, полученные на дорогу. В воспоминаниях «Оправдание моей жизни» Печёрин объясняет свое решение просто: «Я не мог быть профессором в России, потому что там требуется не в самом деле наука, а слова, декламация, пылевглазбросание и отличие по службе».

В 1977 году, после очередного допроса на Лубянке, угроз отправить в психушку или в лагерь, осталось одно желание — уехать. К этому времени сняли со сцены комедию «Учитель влюбился», запретили постановку пьесы «Отец на час». В Литве, Латвии, Эстонии, Украине еще некоторое время печатались рассказы и даже выпустили пару книг в переводе. Потом наложили вето и там. А на Западе публиковались мои воспоминания «Я родился в

очереди», «Исключение писателя № 8552», «Потемкинская Олимпиада», рассказы перепечатывались много раз, звучали по радиоголосам.

Жил я и писал в семидесятые-восемидесятые в Москве, печатался в «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк Таймс», в шведской «Экспрессен», по-русски, в газете «Новый Американец» у Довлатова, в нью-йоркском журнале «Время и мы», в журнале «Двадцать два», а часто даже не знал, где, ибо переправленное на Запад растекалось по миру. Еще я тайно ездил в Сибирь, на Урал, в Крым, собирая материалы для независимого расследования «Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова». Три с половиной года отняла эта работа. В 83-м книга ушла в самиздат, а потом была напечатана в Лондоне. С целью поиска скрываемой правды еще через три года закончен роман-исследование «Изгнанник самовольный» (первая хроника «Узника России») — о новом понимании Пушкина.

Власть мстила, не торопясь. Кошка играла с мышкой. Игра продолжалась десять лет. В душе уже уехал, а физически — раб системы, живешь без прав, без средств к существованию, изгоем. Десять лет не там и не тут. Десять лет подвешенного состояния. Стремление к независимости, попытки вырваться из сетей, из-под колпака, из клетки. Духовное освобождение при наличии еще большей несвободы из за гнета надзирающих инстанций.

Само собой, тогда невозможно было продумать последовательность шагов, но в те десять лет между небом и землей кое-что получилось. В Москве подпольный театр ДК (Дружников — Крамаров), для которого я написал пьесу «Кто последний? Я за вами» и в котором мы играли вдвоем с Савелием, этим отказником советского кино. Мое заявление того времени (из текста комедии): «Прошу перевести меня из внутренней эмиграции во внешнюю». Литературная мастерская для писателей андеграунда. Попытка создать для них независимый Союз писателей и частное издательство «Золотой петушок». Опубликованные на Западе открытые письма. Наконец скандал с публичной выставкой «Десять лет изъятия писателя из советской литературы» и шумная пресс-конференция для иностранных журналистов. Конечно, то были комариные укусы в толстую кожу бегемота, но, как всякое диссидентство, важно, ибо молчание смерти подобно.

Именно в этом контексте в качестве комментария к строкам стихотворения Набокова: «Бывают ночи: только лягу — В Россию поплывает кровать» — родилось стихотворение «Кровать «Желание»» (парадигма к Тенниси Уильямсу):

Только лягу — и вижу чудо:

Из России плывет кровать...

Но звонок — и пришли паскуды.

На Лубянку везут опять.

Советские власти вели себя в точности, как чеченские террористы: они торговались с Конгрессом США о выкупе. В сентябре 1987 года восемьдесят три американских конгрессмена подписали письмо Горбачеву с требованием выпустить данного писателя. Один из них, Джерри Сикорски, прилетел в Москву и встретился с советским президентом. На следующее утро начальник ОВИРа позвонил мне домой и предложил визы. Уезжали мы с женой и сыном, окруженные кольцом топтунов.

Нелепость, о которой читаю в критике, — что я писатель-шестидесятник. Вроде бы, вырос с шестидесятниками, но звания этого не заслужил. В то время только начинал. В конце шестидесятых написаны первые микророманы, начат роман «Ангелы на кончике иглы». В семидесятые напечатал немного. Главные книги выходили в Лондоне и Нью-Йорке в восьмидесятые и — много изданий в России лишь после распада системы, начиная с 1991 года. К какой же декаде мне быть причисленным?

Третий виток, или Радуга зимой в Техасе

Стало быть, спираль жизни в 87-м перерублена пополам. По сути предстояло второе рождение на Западе. Тому, кто не эмигрировал, это трудно объяснить, эмигранты же без комментариев поймут сложность перемещения и вживания в новую среду. Автомобиль

въехал на автобан, разогнался, включилась прямая передача. В Вене интервью для радио и телевидения, статьи для газет, корректура книги для Лондона, размышления, где поселиться — в Германии или в Америке.

Были приглашения в три американских университета и, уезжая в Рим для оформления въездных виз, мы с женой выбрали глубинку. Горячий как сковородка Техас и университет в Остине, столице штата, с доброжелательными и жизнерадостными людьми, нас окружавшими, оказался раем, в котором, однако, приходилось много и тяжело работать. Один курс лекций на кафедре английской литературы, другой на славянской. Следовали интервью, приглашения выступить в других университетах, писательских клубах и на радио. Забегая вперед, скажу, что за годы жизни в США облетел с выступлениями тридцать американских городов от Лос-Анджелеса до Бостона и два десятка стран.

В 1988 году из Техасского университета перебрался в Калифорнийский, расположенный в небольшом городке Дейвис, рядом со столицей Калифорнии Сакраменто. Так получилось, что именно Дейвис стал постоянным местом обитания на Западе, мастерской, если хотите, второй родиной. И вряд ли будет третья.

Гласность в России оказалась в первые годы не для меня. Уже, кажется, много запрещенного издавали, а друзей в Москве вызывали на допросы, выясняя, какие у них связи с этим изменником родины. «Доносчика 001» первыми стали перепечатывать отважные издатели в Польше, Латвии и Эстонии. Варшавское полуподпольное издательство «Зебра» выпустило книгу на польском, и издатель в отсутствие валюты предложил вместо гонорара прислать русские книги, которые стали в Польше непопулярными. Полгода приходили посылки, набитые классиками, и существенно восстановили разоренную библиотеку.

Много пришлось работать для Радио «Свобода», «Голос Америки», ВВС. Летом, живя в Нью-Йорке, прочитал у микрофона всю книгу «Доносчик 001», глава за главой. В Советском Союзе разразился скандал. Газеты обливали автора грязью за то, что он первым рассказал правду о святом пионере Павлике Морозове, который в действительности не был пионером и которого убили чекисты. В Москве создали правительственную комиссию, чтобы

опровергнуть книгу (1989 — 90). Пресса писала, что меня собираются привлечь к суду за оскорбление чести национального героя, но идеологический колосс рушился.

Роман «Ангелы на кончике иглы» в период гласности пытались издать в Советском Союзе несколько раз, но всегда кто-то нажимал на тормоз. Застрял я у них в черных списках, оставался персоной нон-грата. В июле 1991 года, словно предчувствуя августовский путч, попытался полететь в Москву. С выдачей въездной визы долго тянули, а потом отказали. Так я стал отказником во второй раз. Зато сразу после этой заварухи роман «Ангелы на кончике иглы» переиздали массовым тиражом в издательстве «Культура».

Эссе, которые писал в Техасе для разных газет и журналов, а также «скрипты» для мюнхенской редакции «Свободы», публиковались. После они вместе с рассказами, стихами и пародиями вошли в книгу «Я родился в очереди» — своего рода коллекцию серьезных и смешных рассуждений о жизни одного писателя в двух странах, разделенных двумя океанами.

Как минимум три года ушло в Америке на то, чтобы русскому литератору почувствовать себя еще и полноценным американцем — свобода мнений, реализация планов, выход книг, которые начали постепенно переиздаваться в новой России, выступления по всему миру. В английском слово *writer* (писатель) означает любое существо, которое сочиняет, но писатель, у которого издают книги, есть *author* (автор). Мой эпитаф того времени — слова Томаса Манна, который в эмиграции жил тут неподалеку, в Калифорнии: «*Wo ich bin, ist der deutsche Geist*» («Где я, там немецкая культура»). Только слово «немецкая» заменено на «русская».

В 92-м, потрянув стариной, я оказался актером: снялся в американском фильме режиссера Марка Левинсена «Prisoner of Time» («Заложник времени»), сыграв роль русского писателя-эмигранта Даниила. Немного смешной фильм о печальной судьбе русской интеллигенции, эмигрировавшей в США, демонстрировался на кинофестивале в Москве, был встречен с энтузиазмом моими друзьями, но премий не получил.

Четвертый виток, или Диссидентство как суть литературы

В Москву после бегства отсюда попал первый раз лишь в марте 1993 года.

Трагедия русского писателя в эмиграции, говорил я в России печатно и по радио, высосана из пальца патриотами. Эмиграция и долгое пребывание за границей для писателя весьма полезны, а для меня просто необходимы, ибо гарантируют невовлеченность в групповщину, дают автономность суждений и в целом взглядов, а значит, благотворно сказываются на литературе. Тютчев, Гоголь, Тургенев, Герцен, Достоевский, Бунин, Замятин, Набоков и многие другие плодотворно работали вне родины. Пример классиков поучителен.

Романы мои о Пушкине — все три хроники «Узника России», которые писались с перерывами двадцать лет, — смогли появиться сначала в Америке. Впервые в истории пушкинистики в трилогии этой рассматривается вся жизнь великого русского поэта как вечного отказника, внутреннего эмигранта, как доказательство вековечного российского литературного рабства. Пушкин не реализовался до конца и рано погиб (по моей версии, покончил с собой) именно потому, что его всю жизнь держали на цепи, так и не дав увидеть Европу.

Автора трилогии, хотя «Узник России» и в России теперь издан, даже после всех перемен правоверные критики готовы сжевать живьем. Обвиняют в том, что колеблю последнюю российскую святыню, единственное, что осталось неразоренным. В Америке такой жанр, нынче популярный, называется «психологическая биография». В «Узнике России» степень исторической достоверности литературоведческая, но стиль исторического романа. Я занимался Пушкиным полвека, и утверждаю, что мой Пушкин живее и ближе к исторической реальности, чем обожаемый поэт-идол, сотворенный в угоду властей.

Одновременно логично было внимательно изучить мифы, которые насочиняли за полтора века не только про великого поэта, но и про его жену, няню, всех, кого он любил и ненавидел, про других русских писателей. Получились две полемические книги «Русские мифы» (1995) и «Дуэль с пушкинистами» (2002). Бранные рецензии должностных российских пушкиноведов и некоторых недалеких критиков, обнаруживших шаткость в своих сильно идеологизированных трудах, не имеют значения. Интересней то, что они теперь выстригают мысли из моих книг и выдают за свои, — несомненный прогресс российской пушкинистики.

Мне повезло в том, что оказался советским неудачником. Это освободило от конформизма, от влияния мешающих мнений, от корпоративного духа московской

литературной тусовки. Именно Калифорния оказалась местом осуществления давних и новых замыслов.

Новый жанр, который я назвал «микророманом», пробивал дорогу с трудом. В России журнальные редакторы меняли его на «рассказ», хотя в Америке и после в России уже вышло несколько книг микророманов. И в литературоведческих эссе польская критика видит художественное единство с микророманами, считая, что в них налицо сюжет, афористичность, юмор и сатира, как в прозе. Приятно, что теперь я перестал быть одиночкой: микророман появляется у разных авторов.

У истоков русской литературы в конце XVII века, когда польский язык был на Руси почти родным, пользовали слово «фацеция», пришедшее из латыни. Фацеция — это короткий смешной рассказ. Фацеция породила русский эквивалент, который назывался «смехотворная повесть». Не смешная, а смехотворная — принципиальная разница! Слово «повесть» не должно пугать своим более поздним значением. Повестью тогда называли любой художественный текст, положенный на бумагу. Некоторые мои микророманы — в каком-то плане, смехотворные повести.

Славно звучит слово «фацеция». Но и большая проза без сатиры, насмешки, издевки, иронии, юмора — будь то русский сюжет или американский — сегодня читается со скукой. Сатирическая манера повествования, гротеск, «смехотворная повесть» продолжают в романе об Америке, американцах, мексиканцах и русских эмигрантах, законченном в 2002 году. Называется он «Суперженщина».

Когда теоретики литературы обсуждают проблемы современного романа (отбросив модные благоглупости о его распаде и даже смерти), можно услышать разные определения, в том числе: «Роман — это всё». Такой подход сомнителен из-за своей безбрежной расплывчатости. Во всяком случае, для меня роман — не аморфное тело, а, скорее, по меньшей мере, пока я его пишу, — стройная топологическая фигура.

Выстраивая новый замысел, создаю гипертекст (систему узлов с подтекстами) в виде некой гиперболической геометрической конструкции. Визуально она представляет собой спираль Мёбиуса — ленту, концы которой соединены, будучи наполовину перевернутыми, в кольцо. Развитие действия происходит вдоль ленты. Она неизбежно возвращается к своему началу, но на противоположной плоскости. Если такую ленту разрезать вдоль, она не

разделится на две ленты, но удлинится и при этом получится дважды перекрученной, то есть сюжет становится еще замысловатей.

Условно говоря, мой роман в процессе создания — это долгое движение по гиперболической ленте до ее соединения с противоположной стороной: страница за страницей, глава за главой. Ну, скажем, роман в книжном формате 220 страниц. Размер одной страницы 16 сантиметров, значит, длина романа около 35-и написанных метров в виде спирали Мёбиуса. Конечно, это лишь шуточная метафора процесса создания романа.

Собственно текст зависит от меры таланта, вложенных сил и удачи. Лента Мёбиуса ведет сюжет, определяет элементы неожиданности в развитии характеров, возвращающихся в непредсказуемом варианте к своему началу. На каком-то этапе автор выворачивает замысел наизнанку, но, в конечном счете, совершив мертвую петлю, приходит к самому себе. Если не разобьется по дороге. Мой мёбиусизм как новый подход есть противопоставление вялой, расплывчатой, бессюжетной постмодернистской прозе. И в этом смысле, автобиография — такая же закрученная по-мёбиусу лента, и я, стало быть, — мёбиусист.

В определенном возрасте писатель должен видеть свой потолок и свои стены. Сформировался я поздно, и думаю, что это хорошо, ибо проза требует, кроме самопожертвования, еще и жизненного опыта. У меня таких опытов накопилось три: советский, антисоветский и американский, почти гармонично уживающиеся вместе. Но где-то ближе к середине девяностых неприменный скептицизм, переходящий в цинизм, с которым ничего не могу поделать, стал давать о себе знать в Новом Свете, теперь на западном материале.

Это снова критицизм — при всех прелестях свободы в самой демократической стране мира, а может, именно потому. Это поиски слабых мест в системе, провалы в общечеловеческих ценностях, если хотите, генетическое инакомыслие, проявляющееся теперь в анализе и Американского континента, и вообще Западного мира, глобальные сатира и гротеск, фации. Замечу, что вторая вспышка диссидентства протекает, как вторая беременность, легче и спокойнее, — помогает старый опыт.

Кто-то ведет меня по спирали жизни, хотя и не прямо. «Я заплуталась между поколений», — написала знакомая поэтесса. Я тоже чуть не потерялся, но потом нашелся. Кто-то все-таки не убил меня — много раз были возможности. Младенцем тонул, но

откачали. Подростком попал под трамвай, но даже не отрезало ноги. Не разбился в машине, хотя были смертельные моменты несколько раз в разных странах. Горел в самолете, но самолет сел. Десять лет ходил с риском, что посадят или убьют бутылкой в подьезде доблестные секретные органы. Но уцелел и выехал. Кто дал возможность, несмотря ни на что, состояться, реализовать себя. Бог? судьба? случайность?

После выхода романа «Ангелы на кончике иглы» на английском в Лондоне меня пригласили выступить перед читателями в городке Дейвисе, в Калифорнии, где я живу. Рассказывал о России, о событиях, предшествовавших роману, о зигзагах собственной судьбы. Видимо, рассказ был эмоциональный — хотя четверть века прошло после того, как роман был написан, но пережитое не забылось. По окончании, как всегда в таких случаях, окружили несколько человек, которые хотели еще и еще что-то спросить. Среди них молодая беременная женщина, как оказалось, внучка эмигрантки из России. Отец ее, чех, когда случилась Пражская весна, помчался на родину и там был задавлен советским танком. «Мы назвали сына Ярославом в честь погибшего деда», — сказала она и похвасталась, что прочла «Ангелы на кончике иглы» дважды, по-русски и по-английски. Она расспрашивала подробности, мы с ней даже обсудили немного качество перевода.

Через месяц или полтора почта принесла открытку от этой читательницы. Она писала, что родила, и они с мужем решили назвать второго ребенка моим именем. Рассматриваю это как самую лучшую литературную премию, которую может получить писатель: в Америке теперь живет девочка по имени Юрий.

Подводя некоторые итоги, замечу, что родился под знаком Овна. По астрологическому календарю этот первый знак Зодиака ратует за справедливость, способствует горению чувств, а также символизирует отказ от старых традиций и поиск нового пути. Луна в Овне будит посыл к творчеству, но 17 апреля Квадрат Солнца к Нептуну вызывает самообольщение, неоправданные надежды и разочарования.

Астрологи говорят, что Овны — идеалисты, которые пытаются внести искру разума в собственное бытие. Если следовать Декарту, я должен контролировать свою собственную историю (не уверен, что мне это удавалось). Овны способны понимать поэзию и склонны к воспитанию. Астероид Церера в моем гороскопе, самый большой среди малых планет, подталкивает к независимому стилю действий, непослушанию, ереси. В одном

астрологическом календаре я прочитал: «Луна в Овне приносит чувство юмора, что может дать ориентацию на сатиру». Комментировать все эти сведения остерегусь.

Мало сумел я опубликовать в советское время, и все, что было опубликовано, искажено, порезано, изуродовано редакторами, цензорами. Поэтому никакие тексты, опубликованные в то время под моим именем, не могу считать своими и категорически против произвольных перепечатываний. О законном праве автора, а не редакторов и литературоведов, решать, что извлекать на свет, а что нет, я не раз писал. Даже тексты, появившиеся после падения цензуры, при печати подчас произвольно переделывались.

Публикация — будь то в печати или на Интернетe — есть нечто временное, ознакомление читателя с вещью. А абсолютное — только последний авторский манускрипт. Никогда не перестаю работать над своими вещами, исправляя ошибки, уточняя, улучшая тексты от издания к изданию. Реально тексты, готовые для новой публикации, находятся в файлах домашних компьютеров.

Настоящую литературу автор создает, получая удовольствие от процесса, пишет не «для» кого-то, а исключительно для себя. Эту мысль в моем интервью «Литгазете» выкинули уже в новое время. Между тем, идея преданного служения писателя государству (с заменой начальства на термины «родина» и «народ») была одной из самых лживых, погубивших советскую литературу. Мне близка мысль Жюль Ренара в его «Дневнике»: «Мои книги — это как бы письма самому себе, которые я позволяю читать другим». Что значит «для себя»? Приведу еще цитату из Томаса Манна: «Нам кажется, что мы выражаем только себя, говорим только о себе, и вот оказывается, что из глубокой связи, из инстинктивной общности с окружающим, мы создали нечто сверхличное. Вот это сверхличное и есть лучшее, что содержится в нашем творчестве».

Почти никогда не говорю о замыслах, что любят спрашивать читатели. Если начнешь рассказывать, содержание превращается в импровизацию, улетает, сочинять становится не интересно, будто уже написал. Автор — своего рода актер, только играет он сразу несколько, а то и много ролей своих героев, и роман в этом смысле — сцена, театр одного актера, но занавес закрыт, и в зрительном зале никого нет. Зато когда книга написана и напечатана, это уже театр дома у читателя, где каждое представление автора — для одного зрителя. И также, как существует магия сцены, имеет место магия чтения.

Сочиняю медленно, бывает, с задержкой на годы. Роман может начаться с небольшого рассказа, который постепенно обрастает, как снежный ком: изо дня в день добавляется то глава, то абзац, то фраза, то одно слово. Постепенно двадцать страниц превращаются в двести. Но наступает момент, когда добавить уже нечего или добавленное становится лишним, и его лучше вычеркнуть. Это финал, и можно приниматься за следующий, как говорят американцы, проект.

«У меня такое чувство, — сказал один мой приятель, — что живу начерно, в расчете на то, что потом наступит другая жизнь. Тогда исправлю глупости черновика и буду жить набело». Интересный подход. Но у меня такой надежды нет. Стремлюсь сделать максимум сегодня. Грехи молодости, глупости и легкомыслие пытаюсь восполнить сейчас, ибо нет прецедента, что другая жизнь окажется в запасе.

2003, Дейвис, Калифорния. Из книги «Русские зарубежные писатели XXI века». Франкфурт-на-Майне, 2004.